

***

Связать концы туманных перспектив,
чтоб убедиться в тщетности желаний
освоить суть создания мирозданий
без войн, вражды и тягот тайных знаний,
без суеты начальственных заданий
и чьих-то барственных прерогатив –

ход мыслей замерзающей улитки.
Тоска, досада, злая дребедень,
шурша листвой по тротуарной плитке,
суммируют просчёты и убытки
и детскую отчаянность попытки
продлить октябрь хотя б ещё на день.

***

Утро смывает рассвет желтоватым туманом –
в цвет расставанья. Иль увяданья, быть может.
Осень в разгаре. В угаре. Мир кажется странным
рядом с тобой, но уже на себя не похожим.

Что-то меняется. Исподволь, неуловимо.
Небо зовёт, но на крылья исчерпана квота.
Дни, листопадом по ветру, проносятся мимо,
жизнь ретушируя, как пожелтевшее фото.

ТЕОРЕМА

Ложь вяжет кружева, а истина – истёрта.
В оттенках смысла смысл не разглядеть.
Над жизнью и судьбой парить легко и гордо
не всем дано уметь.

Давно пора на юг, но не достать билета.
Жар-птица в рукаве – обманчивый фантом
стального Боинга, махнувшего крылом
по направленью крымского рассвета.

В сухом остатке – горькая примета:
трамвай сломался и ползёт в депо
сквозь сумрачное северное лето –
спасибо и на том.

***

На ёлке, под самой макушкой, стеклянный качается шар,
туманя пространство вокруг серебряным светом.
Нас уже тяготит предвиденья опостылевший дар.
Мы стоим на краю и в перспективе не видим лета,

потому что декабрь сыплет мокрой метелью в окно
с видом на город, ночное безлюдье и тени деревьев.
Время множит фракталы, и ему всё равно,
что мы научились любить, даже если в это не верим.

***

Что мне берега неведомой Брахмапутры,
скачущий по Австралии кенгуру
и Синие птицы в позолоченных клетках?..
За промёрзшим окном на заснеженной ветке
сидят снегири – красногрудые,
словно клюква в сахарной пудре
или клубника во льду.

***

Апрель в перелесках наивен, прозрачен и чист.
Под солнцем рассеялась зимняя нежить и небыль.
Жизнь прорастает подснежником сквозь прошлогодний лист
и тянется к небу.

***

Все улыбаются на этом весеннем фото:
брат, ещё не съеденный жизнью и нудной работой,
его восьмимесячный внук, сладко лепечущий чушь,
и даже слепящее солнце в пятнах подсохших луж,
и первые крокусы бледной апрельской масти...
Так выглядит моё счастье.

***

...И мечется твой ветер знойный
В гудящих впадинах души.

Владимир Набоков

Душевных впадин темнота,
сквозящая осенним ветром,
непостижима, но проста,
как сон забытого скита,
как приживалка-сирота
в тумане траура и фетра.

В ней растворились голоса,
приметы, вещи, лица, маски,
подвохи, ссоры, неувязки –
она тягуча и густа,
и, не смущаясь, без опаски,
марает липкой чёрной краской
наивность белого листа.

МУЖУ ВАДИМУ

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.

Марина Цветаева

Никто ничего не отнял
и не сумел бы отнять:
под солнцем вселенского полдня
судьбы невесомей кладь,
и медленно движутся вспять

пространств временные волны,
и где-то на грани миров,
быть может, ещё не рождённых,
творением преображённая,
наша сияет любовь.

***

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд...

Борис Пастернак

Достать чернил сегодня не проблема,
а вот рыдать, пожалуй, моветон.
Не нарушая целостность дилеммы,
скомкать неразрешённость теоремы,
ответив «быть!», и мучить домофон
набором цифр, переплетая коды,
причины, следствия, пароли и ключи –
всё это Леты медленные воды
сведут на нет, и лишь июнь молчит,
посмеиваясь в зарослях жасмина,
в стрекозьем трепете, в обрывках облаков
и в строчках неисправленных стихов
о кукольном страдании Мальвины,
взростившей Дух, но не родившей сына,
в границах обозначенной картины –
раскисшей под ногами ржавой глины
и воющих от голода волков.

***

Я остаюсь. Тут есть на что смотреть.

Райнер Мария Рильке

...И я останусь, чтобы посмотреть,
как время протекает сквозь пространство,
высвечивая брэнности нюансы,
и чистый дух
преобразуя в твердь
меж точек двух:
родиться – умереть.

ГОРБАТОВ

1.

Он не горбат. Он смотрит свысока
на окские струящиеся воды,
он провожает взглядом пароходы
и подставляет грозам в непогоду
замшелые дощатые бока.

Он «бкает» по правилам Оки,
он щёрится лощинами в ракитах,
и разбавляет заспанные виды
игривостью мышей в подгнивших скирдах,
и подстиляет под ноги мостки.

Не зная разорения войны,
он тешит пересуды и резоны,
дремоту улиц, спуски и уклоны,
амбарный дух, заросшие сады
и желтизну лимонов законных.

Он пять столетий старину хранит,
правобережье к облакам вздымая,
и, вслушиваясь, сонно наблюдает,
как на рассвете звёзды догорают,
и благовест степенно проплывает,
и солнце поднимается в зенит.

БАКЛАНОВО

Времени качается маятник,
счастье моё летнее расплёскивая:
прошлый август проплывает в памяти,
взмахивая сонными вёслами,
словно птица – невесомыми крыльями
над озёрной стрекозой беспечностью,
не воды касаясь – неба синего,
не плывёт – сливается с вечностью
всеми радостями и помыслами,
лесом, озером, ветром, вереском,
ночью звёздною – чтобы помнилось,
утром ласковым – чтобы верилось.